

Н.И. Ульянов

**ПРОИСХОЖДЕНИЕ
УКРАИНСКОГО
СЕПАРАТИЗМА**

Николай Ульянов

**Происхождение
украинского сепаратизма**

«Грифон»

1966

УДК 882
ББК 63.3

Ульянов Н. И.

Происхождение украинского сепаратизма / Н. И. Ульянов —
«Грифон», 1966

Николай Иванович Ульянов (1904–1985) русский эмигрант, историк, профессор Йельского университета (США). Его книга, написанная сорок лет назад, сохранила свою актуальность в настоящее время. Объясняется это тем, что в отличие от многих книг на тему русскоукраинских отношений, Ульянов трактует ее не в парадно поверхностном ключе, а глубоко и серьезно, не только не обходя острых углов, но более всего на них и сосредотачиваясь. Н.И. Ульянов обладает удивительным даром говорить понятно и просто о самых сложных вещах, живо и остроумно — о вещах печальных.

УДК 882

ББК 63.3

© Ульянов Н. И., 1966

© Грифон, 1966

Содержание

Чем замечательна книга Ульянова	5
У истоков национальной идеи	7
От сепаратизма к самостийничеству	9
«Нежный и звучный» против «великого и могучего»	12
Введение	15
Запорожское казачество	19
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Николай Иванович Ульянов

Происхождение украинского сепаратизма

Чем замечательна книга Ульянова

В новой и новейшей истории России и Украины можно встретить немало имен политиков и идеологов, чьи слова и дела не способствовали развитию нормальных отношений между русскими и украинцами. Имя профессора Ульянова не принадлежит к их числу. Его деятельность имела иной смысл. Значительную часть своей жизни он посвятил изучению сложной истории русско-украинских отношений и в особенности тех явлений и процессов, которые мешали их естественному и гармоничному развитию. Задача, прямо скажем, не из благодарных и мало кто за нее брался.

Советские историки не баловали население глубоким анализом украинской истории, а тем более чувствительных сторон истории русско-украинских отношений. Ни одной сколько-нибудь внятной и объективной книги на эту тему за годы советской власти в нашем отечестве не появилось. Впрочем, не так уж много внятных и объективных книг об этом появилось и в других отечествах. Та, что вы сейчас держите в руках, – пожалуй, редкое в этом плане исключение. А если учесть, что серьезных работ о русско-украинских отношениях не появилось и в последующие за распадом СССР годы, когда, казалось бы, стало возможно писать что угодно и о чем угодно, то книга, в которой Н.И. Ульянов обобщил результаты своей многолетней работы, вообще оказывается единственным привлекающим внимание исследованием на эту животрепещущую тему. По уровню таким же, как «Двести лет вместе» А. И. Солженицына на тему русско-еврейских отношений.

* * *

Единственная книга не может быть без недостатков. Тем более, что написана она сорок лет назад. Нет, она не устарела. Напротив, история развивалась таким прихотливым образом, что книга только набирала обороты актуальности. Дело не в этом... Но сначала несколько слов об ее авторе.

Николай Иванович Ульянов (1904–1985) – русский эмигрант, историк, писатель, профессор Йельского университета – одного из трех самых престижных и знаменитых университетов США (два других – Принстонский и Гарвардский). Лекции по русской истории он принципиально читал на русском языке, что вообще было не очень-то принято в престижных американских университетах. «Если хотят меня слушать – пусть учат русский язык». И представьте: учили и слушали.

Те, кто знали его лично, говорят, что он был необыкновенно талантлив, проницателен, энциклопедически образован. В частном письме видного деятеля эмиграции бывшего директора Института по изучению СССР Н.А. Троицкого читаем: «Он (Ульянов) меня поразил тем, что только он один схватил и изложил коротко идею, с которой я все и написал»¹.

Как и многие талантливые люди, Н.И. Ульянов отличался характером нелегким и неуживчивым. Такова и его книга. Написанная на огромном историко-документальном материале, научно документированная, она вместе с тем отличается нелепецприятной резкостью формулировок, иронией, доходящей порой до сарказма, открытым, порой даже вызывающим утвер-

¹ Письмо к Г.Э. Шульцу от 5 марта 1973 г.

ждением политических пристрастий ее автора. Перед нами монументальный научный труд и политический памфлет, слитые воедино.

Можно, конечно, отвлечься от иронического тона и полемического задора книги и рассматривать ее как чисто исследовательский труд. Книга и в этом случае не утратит своей безусловной ценности. Но, на мой взгляд, личность автора, его сарказм, его остроумие, его страстность в сочетании с прекрасным языком и классической простотой стиля, придают книге особый блеск и обаяние.

У истоков национальной идеи

Что касается собственно содержания книги, я выделил бы здесь три важнейшие проблемы, тщательно рассматриваемые Н.И. Ульяновым. Это, во-первых, корни украинского сепаратизма, которые он тесно увязывает с историей запорожского казачества. Во-вторых, вопрос государственности Украины. В-третьих, проблема национального языка.

Признаюсь сразу же: если по второму и третьему вопросу я в общем солидарен с Н.И. Ульяновым, то по первому я выступаю скорее его оппонентом.

Первая проблема исследуется в этническом и социальном аспекте. Н.И. Ульянов начинает с того, что подробно анализирует те силы, которые противостояли Руси – тогда еще Киевской Руси – на ранних этапах ее истории. Это хорошо известные степные народы – половцы и печенег. Именно они убили из засады русского Киевского князя Святослава, когда он проходил днепровские пороги. Именно они пленили Новгород-Северского князя Игоря. И именно их потомки составили, по мысли Н.И. Ульянова, костяк того военно-политического сообщества, которое со временем превратилось в запорожское казачество. Вот как говорит он об этом в своей книге:

«Запорожское казачество давно поставлено в прямую генетическую связь с хищными печенегами, половцами и татарами, бушевавшими в южных степях на протяжении чуть не всей русской истории. Осевшие в Приднепровье и известные, чаще всего, под именем Черных Клобуков, они со временем христианизировались, русифицировались и положили начало, по мнению Костомарова, южнорусскому казачеству. Эта точка зрения получила сильное подкрепление в ряде позднейших изысканий, среди которых особенным интересом отличается исследование П. Голубовского. Согласно ему, между степным кочевым миром и русской стихией не было в старину той резкой границы, какую мы себе обычно представляем. На всем пространстве от Дуная до Волги, «лес и степь» взаимно проникали друг друга, и в то время как печенеги, торки и половцы оседали в русских владениях, сами русские многочисленными островками жили в глубине торкских кочевий. Происходило сильное смешение кровей и культур. И в этой среде, по мнению Голубовского, уже в киевскую эпоху стали создаваться особые воинственные общины, в составе которых наблюдались как русские, так и кочевые инородческие элементы».

Эту концепцию Н.И. Ульянов развивает и в дальнейшем, внося в нее этносоциальные уточнения:

«Фигура запорожца не тождественна с типом коренного малороссиянина, они представляют два разных мира. Один – оседлый, земледельческий, с культурой, бытом, навыками и традициями, унаследованными от киевских времен. Другой – гулящий, нетрудовой, ведущий разбойную жизнь, выработавший совершенно иной темперамент и характер под влиянием образа жизни и смешения со степными выходцами. Казачество порождено не южнорусской культурой, а стихией враждебной, пребывавшей столетиями в состоянии войны с нею».

Здесь хочется возразить Н.И. Ульянову: а кто же, как не запорожские казаки, оградили «коренного малороссиянина» от турецкого нашествия, грозившего полным уничтожением не только «культуры, быта, навыков и традиций, унаследованных от киевских времен», но и самого украинского населения? Кто, как не запорожцы во главе с гетманом Петром Сагайдачным выступили против турок в 1614, 1615, 1616, 1620 гг., а затем в 1621 г. в битве при Хотине остановили экспансию Османской империи на север? В этом решающем для судьбы украинского народа сражении участвовало 40 тысяч запорожских казаков, многие из которых погибли на поле брани, а сам Сагайдачный был смертельно ранен. Кто, как не гетман Михаил Дорошенко,

командовавший в Хотинской битве полком, продолжил дело Сагайдачного и, как и он, погиб в бою со ставленниками Османов в Крыму в 1628 г.?

Украинский народ еще в былые времена сложил героические песни о боевых походах Сагайдачного и Дорошенки («А по пид горою ярм долиною казаки йдуть»). К сожалению, у нас эти песни известны гораздо меньше, чем, скажем, французский или немецкий героический эпос («Песнь о Роланде», «Песнь о Нибелунгах»).

И еще: именно Сагайдачный, вопреки бешеному противодействию поляков, добился в 1620 г. восстановления на Украине православной иерархии, ликвидированной впоследствии Брестской унией. И тогда же, предвосхитив политику Богдана Хмельницкого, отправил в Москву посланцев с предложением реестрового запорожского войска служить России.

Все эти факты, несомненно, хорошо известные Н.И. Ульянову, остались вне его книги, а на первый план выплыли другие факты – пусть тоже имевшие место, относящиеся к быту и нравам Запорожской Сечи, – бандитизм, разгульный образ жизни, убийства гетманов и т. д. В определенные периоды так оно и было, но это характерно не только для запорожского казачества, но и для всех военно-политических сообществ на Западе и Востоке на раннем этапе их развития. Викинги или саксы в X–XI веках жили таким же организованным разбоем, как и запорожцы в XV–XVI веках, и этот образ жизни повсеместно порождал жестокость и разгул. Документы и художественные произведения раннего Средневековья дают на этот счет богатый материал.

«Тут он замахнулся кошелем, в котором было серебро, и ударил конунга по носу так, что у того вывалилось два зуба, а сам он свалился в беспамятстве», – это вполне обыденный эпизод из жизни прославленного викинга Фригьофа.

А вот как разогревают себя воинственной песней, отправляясь на очередной разбой, немецкие рыцари из Шенкенбаха:

«Ну, как себе на пищу доходы соберу?» – вопрошает рыцарь-запевала. И рыцари хором предлагают выход – совершить налет на франконских купцов:

Франконцы с их сумою —
Вот это дичь по мне.
В глухом бору вдвойне.

Затем хор прославляет свою разбойную удаль:

Как только дичь завидим,
Так не устанем гнать,
Со всех сторон нахлынем,
Мы – рыцарская рать.

Что же касается случаев убийства казаками своих гетманов, то даже в цивилизованном Риме в эпоху его заката римские легионы, превратившиеся в разнузданные банды, нередко убивали избранных ими же императоров...

Так или иначе, но по мере того, как запорожское казачество превращалось в мощную военно-политическую силу, оно всё больше распространяло свое влияние и свою власть на огромную территорию по обеим сторонам Днепра, населенную, главным образом, украинскими крестьянами. Большая часть крестьян, в конце концов, попала в крепостную зависимость от казачьей верхушки, так называемой «старшины» (см. главу «Захват Малороссии казаками»). И примерно в то же время в среде казачьей верхушки зародился сепаратизм как стремление оградить свои интересы от притязаний более сильных соседей – Польского и Московского государства.

От сепаратизма к самостийничеству

«Но независимой державой Украине быть давно пора...» – такие слова вкладывает Пушкин в уста гетмана Ивана Мазепы. Удивительно, но исторические факты, которые приводит Ульянов, говорят о другом. Ни гетман, ни казачья верхушка, во многом изменившаяся со времен Сагайдачного и Хмельницкого, не стремились к национальному суверенитету Украины. Их цели были гораздо более земными: защитить свои интересы – интересы казачьей старшины – как высшего привилегированного сословия Украины. Не суть важно при этом кому формально, а точнее номинально, принадлежала Украина. Но вот если аппетиты номинальных властителей Украины становились слишком велики и их экономические притязания угрожали благополучию верхушки казачества, сразу же возникало стремление обособиться от верховной власти.

В этом собственно и состояла суть сепаратизма: не независимое государство, а лавирование между сильными соседями с тем, чтобы вовремя перейти в более выгодное подданство – из польского в московское, из московского, если надо, в турецкое². Или шведское. Все эти процессы – то есть подлинную сущность сепаратизма – Ульянов раскрывает с исключительной последовательностью и доказательностью. Стоило бы процитировать здесь несколько страниц из его исследования, ибо емкость мысли ученого настолько высока, что пересказывать соответствующие фрагменты практически невозможно. Позволю себе лишь одну по необходимости пространную цитату, которая является, пожалуй, ключевой для понимания рассматриваемого вопроса:

«Москва, как известно, не горела особенным желанием присоединить к себе Украину. Она отказала в этом Киевскому митрополиту Иову Борецкому, отправившему в 1625 г. посольство в Москву, не спешила отвечать согласием и на слезные челобитья Хмельницкого, просившего неоднократно о подданстве. Это важно иметь в виду, когда читаешь жалобы самостий-нических историков на «лихих соседей», не позволивших, будто бы, учредиться независимой Украине в 1648–1654 гг. Ни один из этих соседей – Москва, Крым, Турция – не имели на нее видов и никаких препятствий ее независимости не собирались чинить. Что же касается Польши, то после одержанных над нею блестящих побед, ей можно было продиктовать любые условия. Не в соседях было дело, а в самой Украине. Там, попросту, не существовало в те дни идеи «незалежности», а была лишь идея перехода из одного подданства в другое. Но жила она в простом народе – темном, неграмотном, непричастном ни к государственной, ни к общественной жизни, не имевшем никакого опыта политической организации. Представленный крестьянством, городскими жителями – ремесленниками и мелкими торговцами, он составлял самую многочисленную часть населения, но вследствие темноты и неопытности, роль его в событиях тех дней заключалась только в ярости, с которой он жег панские замки и дрался на полях сражений. Все руководство сосредотачивалось в руках казачьей аристократии. А эта не думала ни о независимости, ни об отделении от Польши. Ее усилия направлялись, как раз, на то, чтобы удержать Украину под Польшей, а крестьян под панами, любой ценой. Себе самой она мечтала получить панство, какового некоторые добились уже в 1649 г., после Зборовского мира».

Существенно отметить, что сам Ульянов, раскрывая и, разумеется, осуждая узко эгоистическую сущность сепаратизма, отнюдь не был противником независимого украинского государства. Он с сожалением говорит о том, что в годы, когда в ряде восточноевропейских стран

² Ульянов приводит любопытную деталь: оказывается, обсуждая на Переяславской Раде 1654 года вопрос о вхождении в подданство московскому царю, Богдан Хмельницкий и запорожское казачество тайне уже были данниками турецкого султана.

складывалась государственность, внутренние распри и анархия, господствовавшие в Запорожской Сечи, помешали этому процессу. Задавая себе вопрос, почему Украина не сделалась в то время самостоятельным государством, Ульянов пишет:

«Не здесь ли таится разгадка того, почему Украина не сделалась, в свое время, самостоятельным государством? Могли ли его создать люди, воспитанные в антигосударственных традициях? Захватившие Малороссию «казаченки» превратили ее как бы в огромное Запорожье, подчинив весь край своей дикой системе управления. Отсюда частые перевороты, свержения гетманов, интриги, подкопы, борьба друг с другом многочисленных группировок, измены, предательства и невероятный политический хаос, царивший всю вторую половину XVII века».

Можно указать еще на несколько мест из книги Ульянова, из которых ясно, что ее автор считал совершенно естественным развитие Украины в самостоятельное, независимое государство. Однако, как видим, ни в XV, ни в XVI, ни в XVII столетиях ни Украинского государства, ни даже самой идеи суверенной Украины не возникало.

Возникла эта идея много десятилетий спустя, уже после того, как Украина вошла в состав Российского государства.

После того, как произошло активнейшее взаимопроникновение и смешение русского и украинского этноса.

После того, как единое политическое, экономическое и культурное развитие привело к процветанию и русских, и украинцев.

Возникла в годы, когда Российская империя вступила в полосу предреволюционных потрясений.

Возникла как одна из маргинальных революционных идеологий, представляющих по сути не что иное как, причесанный под национально-освободительную идею, старый гетманский сепаратизм.

Возникла как отвлеченная умозрительная идея, сложившаяся в узком кругу интеллигенции и не имевшая ни поддержки, ни отклика в народе.

Эту-то идеологию и развенчивает Николай Иванович Ульянов, показывая, что она не имеет ни действительных исторических корней, ни политических оснований:

«Особенность украинского самостийничества в том, что оно ни под какие из существующих учений о национальных движениях не подходит... Даже национального угнетения, как первого и самого необходимого оправдания для своего возникновения, у него нет. За все 300 лет пребывания в составе Российского государства Малороссия-Украина не была ни колонией, ни «порабощенной народностью»».

В 1950—1960-е годы, когда Ульянов создавал свою книгу, были дополнительные причины, заставившие его самым решительным образом выступить против идеологии самостийничества. Он жил в это время в США. «Холодная война» была в самом разгаре. Благодаря своему положению и своим знакомствам, он хорошо знал о планах, существовавших тогда в правительственных кругах США, суть которых заключалась в том, чтобы ослабить Советский Союз, всячески способствовать его распаду на отдельные государства, а по возможности даже инициировать такой распад³. Украинский национализм в эмиграции, на который собственно и опиралась эта политика в те годы, был не столько антисоветским, сколько антирусским, и в таких условиях призыв к отделению Украины в самостоятельное государство, породил бы резкий антагонизм между русским и украинским народами — опасность, которая не исключена и сегодня. Ульянов не был сторонником советской власти, но он был русский человек, и видеть

³ Переданный недавно нами в ГАРФ архив бывшего мюнхенского Института по изучению СССР содержит немало конкретных материалов, раскрывающих эти планы, вплоть до имен американских советников — офицеров ЦРУ, специально занимавшихся «украинским вопросом».

распад страны – наследницы Российской империи – на отдельные государства, да еще по американскому сценарию, ему было горько и больно. Эта боль и выплеснулась на страницы его книги.

Сложно судить, как отнесся бы к своему труду Н.И. Ульянов, если бы он переиздавал его сегодня, когда государственная независимость Украины стала историческим фактом. Вчитываясь в книгу, все более утверждаешься в мысли, что Николай Иванович признал бы этот факт, ибо главным для него был не столько политический статус Украины, сколько гармоничные отношения между русским и украинским народами, основанные на их этническом единстве, на общности исторических судеб, на принадлежности к единому пласту религиозной, языковой, бытовой, поведенческой и художественной культуры.

Именно в этом смысл его книги.

«Нежный и звучный» против «великого и могучего»

«Малороссийский язык своею нежностью и приятною звучностью напоминает древне-греческий», – говорит один из персонажей Чехова. И верно: украинский язык – один из самых мелодичных и благозвучных славянских языков. Недаром на нем сложено столько запоминающихся песен.

На протяжении многих столетий украинский язык развивался вольно и полнокровно, проходя те же этапы развития, что и большинство развитых языков мира. Он легко преодолел влияние польского языка в годы, когда Украина находилась под властью Польши, и делопроизводство велось на польском языке. Украинский язык вобрал в себя тогда не более 5–6 процентов польских слов. Для сравнения напомним, что английский язык после норманнского завоевания XI в. вобрал в себя до 70 процентов французской лексики.

После того, как в середине XVII в. Украина вошла в состав русского государства, на Украине стало постепенно складываться двуязычие. Большая часть городского населения и некоторая часть крестьянства владели как украинским, так и русским языком, чему способствовало их лексическое и грамматическое сходство. По свидетельству львовского профессора Оме-ляна Огоновского (кстати, видного деятеля самостийничества) в XVII в. «можно было не заметить никакой разницы между ру-тенским (так он называет украинский) и московским языком».

Русско-украинское двуязычие естественным образом сохранялось и в последующие десятилетия, и тот и другой язык использовался как в устной, так и в письменной речи: в быту, в деловом общении, в хозяйственной деятельности – по усмотрению самих говорящих.

В послепетровскую и в особенности в александровскую эпоху началось необычайно интенсивное развитие русского языка. На русском языке возникла богатейшая художественная литература, а позже, отвечая потребностям научно-технического прогресса, сложились значительные пласты научной, философской, технической лексики, а также соответствующая стилистика. Эти процессы еще более сблизили оба языка, и уже в середине XIX в. взаимопроникновение русского и украинского языков в среде образованной части украинского населения было настолько глубоким, что оба языка воспринимались как родные. И хотя русский язык завоевывал все более и более важные сферы человеческого общения, среди крестьян и городской бедноты продолжал доминировать украинский язык.

Особое значение имел тот факт, что русский язык стал языком художественной литературы как в России, так и на Украине. Украинские по происхождению писатели – Богданович, Капнист, Гнедич, Гоголь – стали писать на русском языке. Такое положение русского литературного языка вызывало раздражение националистически настроенной украинской интеллигенции, которая стала противопоставлять украинский язык русскому, объявив его чуждым, «великорусским». В книге Ульянова последовательно развенчивается и эта в общем надуманная и противоречащая историческим фактам концепция.

«Предметом самых неустанных забот, впрочем, был не разговорный, а литературный язык. Малороссия располагала великолепным разработанным языком, занявшим в семье европейских языков одно из первых мест. Это русский язык.

Самостийники злонамеренно, а иностранцы и некоторые русские по невежеству, называют его «великорусским».

Великорусского литературного языка не существует, если не считать народных песен, сказок и пословиц, записанных в XVIII–XIX веках. Тот, который утвердился в канцеляриях Российской империи, на котором писала наука, основывалась пресса и создавалась художественная литература, был так же далек от разговорного великорусского языка, как и от малороссийского. И выработан он не одними великорусами, в его создании принимали не меньшее,

а может быть большее участие малороссы. Еще при царе Алексее Михайловиче в Москве работали киевские ученые монахи Епифаний Славинецкий, Арсений Сатановский и другие, которым вручен был жезл литературного правления. Они много сделали для реформы и совершенствования русской письменности. Велики заслуги и белоруса Симеона Полоцкого. Чем дальше, тем больше югозападные книжники принимают участие в формировании общерусского литературного языка – Дмитрий Ростовский, Стефан Яворский, Феофан Прокопович. При Петре наплыв малороссов мог навести на мысль об украинизации москалей, но никак не о русификации украинцев, на что часто жалуются самостийники...

Еще в 1619 г. вышла в Евье⁴ грамматика... написанная украинским ученым Мелетием Смотрицким, по которой свыше полутора столетий училось и малороссийское, и московское юношество, по которой учились Григорий Сковорода и Михайло Ломоносов. Ни тому, ни другому не приходило в голову, что они обучались не своему, а чужому литературному языку. Оба сделали крупный вклад в его развитие. В Московщине и на Украине это развитие представляло один общий процесс. Когда стала зарождаться светская поэзия и проза, у писателей тут и там не существовало иной литературной традиции, кроме той, что начинается с Нестора, с митрополита Иллариона, Владимира Мономаха, «Слова о Полку Игореве», «житий», «посланий», той традиции, к которой относятся Максим Грек,

Курбский и Грозный, Иоанн Вишенский и Исаия Ковинский, Мелетий Смотрицкий и Петр Могила, Епифаний Славинецкий и Симеон Полоцкий, Ии. Гизель с его «Синописом», Сильвестр Медведев и Дмитрий Ростовский. Когда Богданович писал «Душеньку», Капнист «Ябеду» и «Оду на рабство», когда Гнедич переводил Илиаду – они создавали «российскую», но отнюдь не москальскую словесность. Ни Пушкин, ни Гоголь не считали свои произведения достоянием «великорусской» литературы. Как до, так и после Гоголя, все наиболее выдающееся, что было на Украине, писало на общерусском литературном языке. Отказ от него означает духовное ограбление украинского народа».

Стремясь вытеснить русский язык из украинской литературы, украинофилы ссылались на опыт Ивана Котляревского и Тараса Шевченко. Но Котляревский, отлично сознавая расслоение русского и украинского языков по социальному признаку, использовал украинский язык с целью создания комического эффекта, заставляя оскверненных традицией античных богов и героев говорить на простонародном языке («Но зла Юнона, суча дочка, Розкудкудакалась, як квочка: Енея не любила – страх!»). Сделал он это на редкость талантливо, и его «Энеида» по праву вошла в фонд выдающихся произведений мировой литературы⁵.

Что касается Тараса Шевченко, то он был, как принято говорить, плоть от плоти украинский крестьянин, и ему было совершенно органично мыслить и писать на украинском языке.

Ни Котляревский, ни Шевченко не выходили в своем творчестве за пределы реальных возможностей украинского языка, не навязывали ему еще неразвившихся в нем функций, как это по существу предлагали делать представители украинофильской интеллигенции.

Ульянов убедительно показывает в своей книге абсурдность такого рода попыток. Он приводит характерный пример – попытки перевести православное богослужение на простонародный украинский язык.

Однако в пылу полемики Ульянов впадает в другую крайность, вообще отрицая факт существования полноценных литературно-художественных произведений на украинском

⁴ Имение князей Огинских, где располагалась известная типография, печатавшая книги на русском языке.

⁵ По ряду причин «Энеида» Вергилия стала в XVII–XVIII вв. объектом многочисленных комических переделок, практически повсюду в Европе. «Энеиды наизнанку» появились в Италии (Лалли), в Германии (Блумауер), в России (Н. Осипов). Во Франции их было не менее десяти, причем не только на литературном языке (Скаррон, Фюретьер и др.), но и на различных диалектах французского языка. Однако подлинным успехом и долговременным признанием пользовались только две «перелицованных» «Энеиды»: Поля Скаррона и Ивана Котляревского.

языке: «... всё наиболее выдающееся, что было на Украине, писало на общерусском литературном языке», – говорит он.

Стремясь последовательно обосновать свою точку зрения, Ульянов склоняется к явной недооценке такого талантливого поэта как Тарас Шевченко. Русское общество, современное Шевченко, относилось к нему совсем по-другому, всячески приветствуя и поддерживая его творчество. Отход от этой традиции может вызвать лишь сожаление.

Не меньшее сожаление вызывает и тот факт, что у украинофилов XIX – начала XX столетия находятся последователи, стремящиеся ограничительными мерами воспрепятствовать нормальному функционированию русского языка в сегодняшней независимой Украине. Впрочем, все эти меры бессмысленны. Язык – в отличие от людей, которые на нем говорят, – никаким насильственным запретам не подчиняется.

В заключение необходимо сказать несколько слов о научном аппарате книги Н.И. Ульянова. В конце книги Ульянов приводит библиографические данные о работах, которые послужили основой для его исследования и на которые он неоднократно ссылается. Это известные труды С. Соловьева, Н. Костомарова, П. Голубовского, М. Грушевского, М. Драго-манова, М. Михновского, С. Щеголева, а также работы или отдельные высказывания А. Пыпина, В. Семевского, П. Милюкова, С. Мельгунова и ряда менее известных авторов.

В отношении концептуальных трудов позиция Ульянова выражена в тексте книги предельно ясно и в дополнительных комментариях не нуждается. Что касается ссылок на высказывания различных авторов по частным вопросам, которые цитируются главным образом по статьям в периодических изданиях, то здесь у сегодняшнего читателя может сложиться дезориентирующая картина. Дело в том, что за полстолетия, прошедшие со времени работы Ульянова над книгой, по тем же вопросам появилось немало материалов, как в научной, так и в общественно-политической периодике. В идеальном варианте следовало бы дополнить ссылки Ульянова указаниями на статьи, вышедшие после 1960 года и соответствующим комментарием к тем и другим. Это большой и кропотливый труд, который, возможно, будет выполнен в дальнейшем, если книга Ульянова выйдет в научном издании как памятник общественно-политической мысли, чего она, безусловно, заслуживает. Однако в настоящее время от таких комментариев и дополнений нам пришлось отказаться. Тем самым утратила смысл публикация раздела «Библиографические сноски».

Леонид Аринштейн

Введение

Особенность украинского самостийничества – в том, что оно ни под какие из существующих учений о национальных движениях не подходит и никакими «железными» законами не объяснимо. Даже национального угнетения, как первого и самого необходимого оправдания для своего возникновения, у него нет. Единственный образец «угнетения» – указы 1863 и 1876 гг., ограничивавшие свободу печати на новом, искусственно создававшемся литературном языке – не воспринимались населением как национальное преследование. Не только простой народ, не имевший касательства к созданию этого языка, но и девяносто девять процентов просвещенного малороссийского общества состояло из противников его легализации. Только ничтожная кучка интеллигентов, не выражавшая никогда чаяний большинства народа, сделала его своим политическим знаменем. За все 300 лет пребывания в составе Российского Государства, Малороссия-Украина не была ни колонией, ни «порабощенной народностью».

Когда-то считалось само собой разумеющимся, что национальная сущность народа лучше всего выражается той партией, что стоит во главе националистического движения. Ныне украинское самостийничество дает образец величайшей ненависти ко всем наиболее чтимым и наиболее древним традициям и культурным ценностям малороссийского народа: оно подвергло гонению церковнославянский язык, утвердившийся на Руси со времен принятия христианства, и еще более жестокое гонение воздвигнуто на общерусский литературный язык, лежавший в течение тысячи лет в основе письменности всех частей Киевского Государства, во время и после его существования. Самостийники меняют культурно-историческую терминологию, меняют традиционные оценки героев событий прошлого. Все это означает не понимание и не утверждение, а искоренение национальной души. Истинно национальное чувство приносится в жертву сочиненному партийному национализму.

Схема развития всякого сепаратизма такова: сначала якобы пробуждается «национальное чувство», потом оно растет и крепнет, пока не приводит к мысли об отделении от прежнего государства и создании нового. На Украине этот цикл совершался в обратном направлении. Там сначала обнаружилось стремление к отделению, и лишь потом стала создаваться идейная основа, как оправдание такого стремления.

В заглавии настоящей работы не случайно употреблено слово «сепаратизм» вместо «национализма». Именно национальной базы не хватало украинскому самостийничеству во все времена. Оно всегда выглядело движением ненародным, вненациональным, вследствие чего страдало комплексом неполноценности и до сих пор не может выйти из стадии самоутверждения. Если для грузин, армян, узбеков этой проблемы не существует, по причине ярко выраженного их национального облика, то для украинских самостийников главной заботой все еще остается доказать отличие украинца от русского. Сепаратистская мысль до сих пор работает над созданием антропологических, этнографических и лингвистических теорий, долженствующих лишить русских и украинцев какой бы то ни было степени родства между собой. Сначала их объявили «двумя русскими народностями» (Костомаров), потом – двумя разными славянскими народами, а позже возникли теории, по которым славянское происхождение оставлено только за украинцами, русские же отнесены к монголам, к туркам, к азиатам. Ю. Щербакивскому и Ф. Вовку доподлинно стало известно, что русские представляют собою потомков людей ледникового периода, родственных лопарям, самоедам и вогулам, тогда как украинцы – представители переднеазиатской круглоголовой расы, пришедшей из-за Черного моря и осевшей на местах, освобожденных русскими, ушедшими на север вслед за отступающим ледни-

ком и мамонтом.⁶ Высказано предположение, усматривающее в украинцах остаток населения утонувшей Атлантиды.

И это обилие теорий, и лихорадочное культурное обособление от России, и выработка нового литературного языка не могут не бросаться в глаза и не зарождают подозрения в искусственности национальной доктрины.

* * *

В русской, особенно эмигрантской, литературе существует давнишняя тенденция объяснять украинский национализм исключительно воздействием внешних сил. Особенное распространение получила она после первой мировой войны, когда вскрылась картина широкой деятельности австро-германцев по финансированию организаций, вроде «Союза Вызvolения Украины», по организации боевых дружин («Сичевые Стрельцы»), воевавших на стороне немцев, по устройству лагерей-школ для пленных украинцев.

Д. А. Одинец, погружившийся в эту тему и собравший обильный материал, был подавлен грандиозностью немецких планов, настойчивостью и размахом пропаганды в целях насаждения самостийничества.⁷ Вторая мировая война явила еще более широкое полотно в этом смысле.

Но с давних пор историки, и среди них такой авторитет, как проф. И. И. Лаппо, обратили внимание на поляков, приписывая им главную роль в создании автономистского движения.

Поляки, в самом деле, по праву могут считаться отцами украинской доктрины. Она заложена ими еще в эпоху гетманщины. Но и в новые времена их творчество очень велико. Так, самое употребление слов «Украина» и «украинцы» впервые в литературе стало насаждаться ими. Оно встречается уже в сочинениях графа Яна Потоцкого.⁸

Другой поляк, гр. Фаддей Чацкий, тогда же вступает на путь расового толкования термина «украинец». Если старинные польские анналисты, вроде Самуила Грондского, еще в XVII веке выводили этот термин из географического положения Малой Руси, расположенной на краю польских владений («*Margo enim polonice kraj; inde Ukraina quasi provincia ad fines Regni posita*»),⁹ то Чацкий производил его от какой-то никому кроме него не известной орды «уков», вышедшей якобы из-за Волги в VII веке.¹⁰

Поляков не устраивала ни «Малороссия», ни «Малая Русь». Примириться с ними они могли бы в том случае, если бы слово «Русь» не распространялось на «москалей».

Внедрение «Украины» началось еще при Александре I, когда, опоясав Киев, покрывши весь правобережный юго-запад России густой сетью своих поветовых школ, основав польский университет в Вильно и прибрав в руки открывшийся в 1804 году харьковский университет, поляки почувствовали себя хозяевами умственной жизни малороссийского края.

Хорошо известна роль польского кружка в харьковском университете, в смысле пропаганды малороссийского наречия, как литературного языка. Украинскому юношеству внуша-

⁶ Ю. Щербакивский – «Формация украинской нации», Прага 1942; тоже Нью-Йорк 1958.

⁷ Д. А. Одинец – «Из истории украинского сепаратизма». «Современные Записки» No. 68.

⁸ Jan Potocki – «Voyage dans les steppes d'Astrakhan et du Caucase». 1829, Paris. Merlin.

⁹ Такое толкование принято было М. С. Грушевским. Но чувствуя его неудобство для украинофильства и для всей своей исторической схемы, он, тем не менее, ни к какому другому ясному объяснению не пришел. Уже в 1919 г. в «Короткой Истории Украины», на стр. 3 он пообещал: «А звитки назва України пішла – се потім побачимо». Но ни в этой, ни в других книгах не посвятил нас в результаты «побачення». Один из его последователей и кажется, учеников, Сергей Шелухин, считает все его суждения по этому поводу – «хаосом догадок» См. Сергей Шелухин «Украина – назва нашої землі з найдавніших часів». Прага 1936.

¹⁰ Thadeusz Chacki – «O nazwiku Ukrainy i poczetku kozak w» Собр. соч. Варшава, 1843–1845.

лась мысль о чуждости общерусского литературного языка, общерусской культуры и, конечно, не забыта была идея нерусского происхождения украинцев.¹¹

Гулак и Костомаров, бывшие в 30-х годах студентами Харьковского университета, подверглись в полной мере действию этой пропаганды. Ею же подсказана и идея всеславянского федеративного государства, провозглашенная ими в конце 40-х годов. Знаменитый «панславизм», вызывавший во всей Европе яростную брань по адресу России, был на самом деле не русского, а польского происхождения. Князь Адам Чарторыйский на посту руководителя русской иностранной политики открыто провозгласил панславизм одним из средств возрождения Польши.

Польская заинтересованность в украинском сепаратизме лучше всего изложена историком Валерианом Калинкой, понявшим бессмысленность мечтаний о возвращении юга России под польское владычество. Край этот потерян для Польши, но надо сделать так, чтобы он был потерян и для России.¹² Для этого нет лучшего средства, чем поселение розни между южной и северной Русью и пропаганда идеи их национальной обособленности. В этом же духе составлена и программа Людвиг Мерославского, накануне польского восстания 1863 года.

«Вся агитация малороссианизма – пусть перенесется за Днепр; там обширное пугачевское поле для нашей запоздавшей числом Хмельничины. Вот в чем состоит вся наша панславистическая и коммунистическая школа!.. Вот весь польский герценизм!». ¹³

Не менее интересный документ опубликован В. Л. Бурцевым 27 сентября 1917 г., в газете «Общее Дело» в Петрограде. Он представляет записку, найденную среди бумаг секретного архива примаса униатской Церкви А. Шептицкого, после занятия Львова русскими войсками. Записка составлена в начале первой мировой войны, в предвидении победоносного вступления австро-венгерской армии на территорию русской Украины. Она содержала несколько предложений австрийскому правительству на предмет освоения и отторжения от России этого края. Намечалась широкая программа мероприятий военного, правового, церковного порядка, давались советы по части учреждения гетманства, формирования сепаратистски настроенных элементов среди украинцев, придания местному национализму казацкой формы и «возможно полного отделения украинской Церкви от русской».

Пикантность записки заключается в ее авторстве. Андрей Шептицкий, чьим именем она подписана, был польский граф, младший брат будущего военного министра в правительстве Пилсудского. Начав свою карьеру австрийским кавалерийским офицером, он, впоследствии, принял монашество, сделался иезуитом и с 1901 по 1944 г. занимал кафедру львовского митрополита. Все время своего пребывания на этом посту он неустанно служил делу отторжения Украины от России под видом ее национальной автономии. Деятельность его, в этом смысле, один из образцов воплощения польской программы на востоке.

Программа эта начала складываться сразу же после разделов. Поляки взяли на себя роль акушерки при родах украинского национализма и няньки при его воспитании.

Они достигли того, что малороссийские националисты, несмотря на застарелые антипатии к Польше, сделались усердными их учениками. Польский национализм стал образцом для самого мелочного подражания, вплоть до того, что сочиненный П. П. Чубинским гимн «Ще не вмерла Украина» был неприкрытым подражанием польскому: «Jeszcze Polska nie zginęła».

Картина этих более чем столетних усилий полна такого упорства в энергии, что не приходится удивляться соблазну некоторых историков и публицистов объяснить украинский сепаратизм одним только влиянием поляков.¹⁴

¹¹ См. об этом: Кн. А. М. Волконский – «Историческая правда и украинофильская пропаганда». Турин, 1920. – А. Царинный – «Украинское движение; краткий исторический очерк». Берлин, 1925.

¹² A. Tarnowsky. Ks. W. Kalinka. Krak w 1887, с.167–170.

¹³ А. А. Корнилов – «Общественное движение при Александре II». М. 1909, стр. 182.

¹⁴ Особенно склонен к этому С. Н. Щеголев, собравший обильный материал в польской публицистике XIX–XX вв. См.

Но вряд ли это будет правильно. Поляки могли питать и взращивать эмбрион сепаратизма, самый же эмбрион существовал в недрах украинского общества. Обнаружить и проследить его превращение в видное политическое явление – задача настоящей работы.

его «Современное украинство», 1914, а также, ранее вышедшее «Украинское движение, как современный этап южнорусского сепаратизма», Киев 1912.

Запорожское казачество

Когда говорят о «национальном угнетении», как о причине возникновения украинского сепаратизма то либо забывают, либо вовсе не знают, что появился он в такое время, когда не только москальского гнета, но самих москалей на Украине не было. Он существовал уже в момент присоединения Малороссии к Московскому Государству, и едва ли не первым сепаратистом был сам гетман Богдан Хмельницкий, с именем которого связано воссоединение двух половин древнего русского государства. Не прошло и двух лет со дня присяги на подданство царю Алексею Михайловичу, как в Москву стали поступать сведения о нелояльном поведении Хмельницкого, о нарушении им присяги. Проверив слухи и убедившись в их правильности, правительство вынуждено было послать в Чигирин окольничего Федора Бутурлина и думного дьяка Михайлова, дабы поставить на вид гетману неблаговидность его поведения. «Обещал ты гетман Богдан Хмельницкий со всем войском запорожским в святой Божией церкви по непорочной Христовой заповеди перед святым Евангелием, служить и быть в подданстве и послушании под высокой рукой его царского величества и во всем ему великому государю добра хотеть, а ныне слышим мы, что ты желаешь добра не его царскому величеству, а Ракочию и, еще хуже, соединились вы с неприятелем великого государя Карлом Густавом, королем шведским, который с помощью войска запорожского его царского величества, отторгнул многие города польские. И ты гетман оказал посobie шведскому королю без соизволения великого государя, забыл страх Божий и свою присягу перед святым Евангелием».¹⁵

Хмельницкого упрекали в своеволии, в недисциплинированности, но не допускали еще мысли об отложении его от Московского Государства. А между тем, ни Бутурлин, ни бояре, ни Алексей Михайлович не знали, что имели дело с двоеданником, признававшим над собой власть двух государей, факт этот стал известен в XIX веке, когда историком Н. И. Костомаровым найдены были две турецкие грамоты Мехмет-Султана к Хмельницкому, из которых видно, что гетман, отдавшись под руку царя московского, состоял в то же время подданным султана турецкого. Турецкое подданство он принял еще в 1650 году, когда ему послали из Константинополя «штуку златоглаву» и кафтан, «чтобы вы с уверенностью возложили на себя этот кафтан, в том смысле, что вы теперь стали нашим верным данником».¹⁶

Знали об этом событии, видимо, лишь немногие приближенные Богдана, в то время, как от казаков и от всего народа малороссийского оно скрывалось. Отправляясь в 1654 году в Переяславль на раду, Хмельницкий не отказался от прежнего подданства и не снял турецкого кафтана, надев поверх него московскую шубу.

Через полтора с лишним года после присяги Москве, султан шлет новую грамоту, из которой видно, что Богдан и не думал порывать с Портой, но всячески старался представить ей в неверном свете свое соединение с Москвой. Факт нового подданства он скрыл от Константинополя, объяснив все дело, как временный союз, вызванный трудными обстоятельствами. Он по-прежнему просил султана считать его своим верным вассалом, за что удостоился милостивого слова и заверение в высоком покровительстве.

Двоедушие Хмельницкого не представляло чего-нибудь исключительного; вся казачья старшина настроена была таким же образом. Не успела она принести присягу Москве, как многие дали понять, что не желают оставаться ей верными. Во главе нарушивших клятву оказались такие видные люди, как Богун и Серко. Серко ушел в Запорожье, где стал кошевым атаманом, Богун, уманский полковник и герой Хмельничины, сложив присягу, начал мутить все Побужье.

¹⁵ А. Ю. З. Р. т. III, No. 369.

¹⁶ Н. И. Костомаров – «Богдан Хмельницкий, данник оттоманской порты». «Вестник Европы». Том VI. 1878.

Были случаи прямого уклонения от присяги. Это касается, прежде всего, высшего духовенства, враждебно относившегося к идее соединения с Москвой. Но и запорожцы, вовсе не высказывавшие такой вражды, вели себя не лучше. Когда Богдан окончательно решился отдаться царю, он запросил мнение Сечи, этой метрополии казачества. Сечевики ответили письмом, выразившим их полное согласие не переход «всего малороссийского народа, по обеим сторонам Днепра живущего, под протекцию великодержавнейшего и пресветлейшего монарха российского». И после того, как присоединение состоялось и Богдан прислал им в Сечь списки с жалованных царских грамот, запорожцы выражали радость по поводу «закрепления и подтверждения превысоким монархом стародавних прав и вольностей войска малороссийского народа»; они воздавали «хвалу и благодарность Пресвятой Троице и поклоняемому Богу и нижайшее челобитствие пресветлейшему государю». Когда же дошло до присяги этому государю, запорожцы притихли и замолчали. Покрывая их, гетман всячески успокаивал московское правительство, уверяя, что «запорожские казаки люди малые, и то из войска переменные, и тех в дело почитать нечего». Только с течением времени Москве удалось настоять на их присяге.¹⁷

Когда началась война с Польшей и соединенное русско-малороссийское войско осаждало Львов, генеральный писарь Выговский уговаривал львовских мещан не сдавать города на царское имя. Представителю этих мещан Кушевичу, отказавшемуся от сдачи, переяславский полковник Тетеря шепнул по латыни «вы постоянны и благородны».

Сам Хмельницкий к концу войны сделался крайне неприветлив со своими коллегами – царскими воеводами; духовник его, во время молитвы, когда садились за стол, перестал поминать царское имя, тогда как полякам, с которыми воевали, старшина и гетман оказывал знаки приязни. После войны они решились на открытое государственное преступление, нарушив заключенный царем виленский договор с Польшей и вступивши в тайное соглашение с шведским королем и седмиградским князем Ракочи о разделе Польши. Двенадцать тысяч казаков было послано на помощь Ракочи.¹⁸ Все три года, что Хмельницкий находился под московской властью, он вел себя как человек, готовый со дня на день сложить присягу и отпасть от России.

Приведенные факты имели место в такое время, когда царской администрации на Украине не существовало, и никакими насилиями она не могла восстановить против себя малороссов. Объяснение может быть одно: в 1654 году существовали отдельные лица и группы, шедшие в московское подданство неохотно, и думавшие о том, как бы скорей из него выйти.

* * *

Объяснение столь любопытного явления надлежит искать не в малороссийской истории, а в истории днепровского казачества, игравшего руководящую роль в событиях 1654 года. Вообще, истоки украинского самостийничества невозможно понять без обстоятельного экскурса в казачье прошлое. Даже новое имя страны «Украина» пошло от казачества. На старинных картах, территории с надписью «Украина» появляются впервые в XVII веке, и если не считать карты Боплана, надпись эта всегда относится к области поселения запорожских казаков. На карте Корнетти 1657 г., между «Bassa Volinia» и «Podolia» значится по течению Днепра «Ukraine passa de Cosacchi». На голландской карте конца XVII века то же самое место обозначено: «Ukraine of t. Land der Cosacken».

Отсюда оно стало распространяться на всю Малороссию. Отсюда же распространились и настроения положившие начало современному самостийничеству. Далеко не все понимают роль казачества в создании украинской националистической идеологии. Происходит это, в

¹⁷ Д. И. Эварницкий – «История Запорожских казаков», Том II, стр. 248. СПб, 1895.

¹⁸ А. Ю. З. Р. т. III No. 369; Д. Н. Бантыш-Каменский, «История Малой России», т. II, стр. 8.

значительной степени, из-за неверного представления о его природе. Большинство почерпает свои сведения о нем из исторических романов, песен, преданий и всевозможных произведений искусства. Между тем, облик казака в поэзии мало сходен с его реальным историческим обликом.

Он выступает там в ореоле беззаветной отваги, воинского искусства, рыцарской чести, высоких моральных качеств, а главное – крупной исторической миссии: он борец за правослаvie и за национальные южно-русские интересы. Обычно, как только речь заходит о запорожском казаке, встает неотразимый образ Тараса Бульбы, и надобно глубокое погружение в документальный материал, в исторические источники, чтобы освободиться от волшебства гоголевской романтики.

* * *

На запорожское казачество с давних пор установилось два прямо противоположных взгляда. Одни усматривают в нем явление дворянско-аристократическое – «лыцарское». Покойный Дм. Дорошенко, в своей популярной «Истории Украины з малюнками», сравнивает запорожскую Сечь со средневековыми рыцарскими орденами. «Тут постепенно выработалась, – говорит он, – особая воинская организация наподобие рыцарских братств, что существовали в Западной Европе». Но существует другой, едва ли не более распространенный взгляд, по которому казачество воплощало чаяния плебейских масс и было живым носителем идеи народовластия с его началами всеобщего равенства, выборности должностей и абсолютной свободы.

Эти два взгляда, не примиренные, не согласованные между собой, продолжают жить по сей день в самостийнической литературе. Оба они не казачьи, и даже не украинские. Польское происхождение первого из них не подлежит сомнению. Он восходит к XVI веку, и встречается впервые у польского поэта Папроцкого. Наблюдая панские междоусобия, грызню магнатов, забвение государственных интересов и весь политический разврат тогдашней Польши, Папроцкий противопоставляет им свежую, здоровую, как ему казалось, среду, возникшую на окраинах Речи Посполитой. Это – среда русская, казацкая. Погрязшие во внутренних распрях поляки, по его словам, и не подозревали, что много раз были спасены от гибели этим окраинным русским рыцарством, отражавшим, подобно крепостному валу, напор турецко-татарской силы. Папроцкий восхищается его доблестью, его простыми крепкими нравами, готовностью постоять за веру, за весь христианский мир.¹⁹ Произведения Папроцкого были не реалистическим описанием, а поэмами, вернее памфлетами. В них заложена та же тенденция, что и в «Германии» Тацита, где деморализованному, вырождающемуся Риму противопоставляется молодой, здоровый организм варварского народа.

В той же Польше, начинают появляться сочинения, описывающие блестящие воинские подвиги казаков, сравнить с которыми можно только подвиги Гектора, Диомеда или самого Ахилла. В 1572 году вышло сочинение панов Фредро, Ласицкого и Горецкого, описывающее похождение казаков в Молдавии под начальством гетмана Ивана Свирговского. Каких только чудес храбрости там не показано! Сами турки говорили взятым в плен казакам: «В целом королевстве польском нет подобных вам воинственных мужей!». Те скромно возражали: «Напротив, мы самые последние, нет нам места между своими, и потому мы пришли сюда, чтобы или пасть со славою, или воротиться с военной добычей». Все попавшие к туркам казаки носят польские фамилии: Свирговский, Козловский, Сидорский, Янчик, Копытский, Решковский. Из текста повествования видно, что все они шляхтичи, но с каким-то темным прошлым; для

¹⁹ «Do Polak w». Перепечатано П. Кулишем в приложении ко II т. его «Истории воссоединения Руси», с редкого издания, вышедшего в Кракове в 1575 г.

одних разорение, для других провинности и преступления были причиной ухода в казаки. Казачьи подвиги рассматриваются ими, как средство восстановления чести: «или пасть со славою, или воротиться с военной добычею». Потому они и расписаны так авторами, которые сами могли быть соратниками Свирговского.²⁰ Еще П. Кулиш заметил, что сочинение их продиктовано менее высокими мотивами, чем поэмы Папроцкого. Они преследовали цель реабилитации провинившихся шляхтичей и их амнистии. Подобные сочинения, наполненные превознесением храбрости дворян ушедших в казаки, наделяли рыцарскими чертами и все казачество. Литература эта, без сомнения, рано стала известна запорожцам, способствуя распространению среди них высокого взгляда на свое общество. Когда же «реестровые» начали, в XVII веке, захватывать земли, превращаться в помещиков и добиваться дворянских прав, популяризация версии об их рыцарском происхождении приобрела особенную настойчивость. «Летопись Грабянки», «Краткое описание о казацком малороссийском народе» П. Симоновского, труды Н. Маркевича и Д. Бантыш-Каменского, а также знаменитая «История Русов» – наиболее яркие выражения взгляда на шляхетскую природу казачества.

* * *

Несостоятельность этой точки зрения вряд ли нуждается в доказательстве. Она попросту выдумана и никакими источниками, кроме фальшивых, не подтверждается. Мы не знаем ни одного проверенного документа, свидетельствующего о раннем запорожском казачестве, как о самобытной военной организации малороссийской шляхты. Простая логика отрицает эту версию. Будь казаки шляхтичами с незапамятных времен, зачем бы им было в XVII и XVIII веках добиваться шляхетского звания? К тому же, Литовская Метрика, русские летописи, польские хроники и прочие источники дают в достаточной мере ясную картину происхождения подлинного литовско-русского дворянства, чтобы у исследователей мог возникнуть соблазн вести его генезис от запорожцев.

Еще труднее сравнивать запорожскую Сечь с рыцарским орденом. Ордена хоть и возникли, первоначально, за пределами Европы, но всем своим существом связаны с нею. Они были порождением ее общественно-политической и религиозной жизни, тогда как казачество рекрутировалось из элементов вытесненных организованным обществом государств европейского востока. Возникло оно не в гармонии, а в борьбе с ними. Ни светская, ни церковная власть, ни общественный почин не причастны к образованию таких колоний, как Запорожье. Всякая попытка приписать им миссию защитников православия против Ислама и католичества разбивается об исторические источники. Наличие в Сечи большого количества поляков, татар, турок, армян, черкесов, мадьяр и прочих выходцев из не православных стран не свидетельствует о запорожцах, как ревнителях православия.

Данные, приведенные П. Кулишем, исключают всякие сомнения на этот счет. Оба Хмельницких, отец и сын, а после них Петр Дорошенко, признавали себя подданными султана турецкого – главы Ислама. С крымскими же татарами, этими «врагами креста Христова», казаки не столько воевали, сколько сотрудничали и вкуче ходили на польские и на московские Украины.

Современники отзывались о религиозной жизни днепровского казачества с отвращением, усматривая в ней больше безбожия, чем веры. Адам Кисель, православный шляхтич, писал, что у запорожских казаков «нет никакой веры» и то же повторял униатский митрополит Рутский. Православный митрополит и основатель киевской духовной академии – Петр Могила – относился к казакам с нескрываемой враждой и презрением, называя их в печати «ребелизантами». Сравнить сечевую старшину с капитулом, а кошевого атамана с магистром ордена – величайшая пародия на европейское средневековье. Да и по внешнему виду, казак

²⁰ См. Н. И. Костомаров – «Гетман Иван Свирговский», Исторические монографии т. 2, СПб. 1863.

походил на рыцаря столько же, сколько питомец любой восточной орды. Тут имеются в виду не столько баранья шапка, оселедец и широкие шаровары, сколько всякое отсутствие шаровар. П. Кулиш собрал на этот счет яркий букет показаний современников, вроде оршанского старосты Филиппа Кмиты, изображавшего в 1514 году черкасских казаков жалкими оборванцами, а французский военный эксперт Дальрак, сопровождавший Яна Собесского в знаменитом походе под Вену, упоминает о «дикой милиции» казацкой, поразившей его своим невзрачным видом.

Уже от начала XIII века сохранилось любопытное описание одного из казачьих гнезд, своего рода филиала Сечи, составленное московским попом Лукьяновым. Ему пришлось посетить Хвастов – стоянку знаменитого Семена Палея и его вольницы:

«Вал земляной, по виду не крепок добре, да сидельцами крепок, а люди в нем что звери. По земляному валу ворота частые, а во всяких воротах копаны ямы, да солома постлана в ямы. Там палеевшина лежит человек по двадцати, по тридцати; голы что бубны без рубах нагие страшны зело. А когда мы приехали и стали на площади, а того дня у них случилось много свадеб, так нас обступили, как есть около медведя; все казаки палеевшина, и свадьбы покинули; а все голудьба безпорточная, а на ином и клочка рубахи нет; страшны зело, черны, что арапы и лихи, что собаки: из рук рвут. Они на нас стоя дивятся, а мы им и втрое, что таких уродов мы отроду не видали. У нас на Москве и в Петровском кружале не скоро сыщешь такого хочь одного».²¹

Сохранился отзыв о палеевцах и самого гетмана Мазепы. По его словам, Палей «не только сам повседневным пьянством помрачаясь, без страха Божия и без разума живет, но и гультейство также единонравное себе держит, которое ни о чем больше не мыслит, только о грабительстве и о крови невинной».

Запорожская Сечь, по всем дошедшим до нас сведениям, недалеко ушла от палеевского табора – этого подобия «лицарських орденів, що існували в західній Європі».

* * *

Что касается легенды демократической, то она – плод усилий русско-украинских поэтов, публицистов, историков XIX века, таких как Рылеев, Герцен, Чернышевский, Шевченко, Костомаров, Антонович, Драгоманов, Мордовцев. Воспитанные на западно-европейских демократических идеалах, они хотели видеть в казачестве простой народ ушедший на «низ» от панской неволи и унесший туда свои вековые начала и традиции. Не случайно, что такой взгляд определился в эпоху народничества и наиболее яркое выражение получил в статье «О казачестве» («Современник», 1860 г.) где автор ее, Костомаров восставал против распространенного взгляда на казаков, как на разбойников, и объяснял казачье явление «последствием идей чисто демократических».

Костомаровская точка зрения живет до сих пор в СССР. В книге В. А. Голобуцкого «Запорожское казачество»²² казаки представлены пионерами земледелия, распахивателями целины в Диком поле. Автор видит в них не воинское, а хлебопашеское, по преимуществу, явление. Но его аргументация, рассчитанная на непосвященную читательскую массу, лишена какой либо ценности для исследователей. Он часто прибегает к недостойным приемам, вроде того, что хозяйство реестровых казаков XVII века выдает за дореестровый период казачьего

²¹ «Путешествие попа Лукьянова». Цитируется по П. Кулишу – «Польская колонизация юго-западной Руси». «Вестн. Европы» том II. 1874 г.

²² Киев, 1957.

быта и не стесняется зачислять в казаки неказачьи группы населения, мещан, например. Кроме того, он совершенно уклонился от возражения на труды и публикации, не согласные с его точкой зрения.

Когда Костомаров, вместе с Белозерским, Гулаком, Шевченко, основал в Киеве, в 1847 году, «Кирилло-Мефодиевское Братство», он написал «Книги бытия украинского народу» – что-то вроде политической платформы, где казацкое устройство противопоставлялось аристократическому строю Польши и самодержавному укладу Москвы.

«Не любила Украина ни царя, ни пана, скомпонувала собі козацтво, есть то истее братство, куды кожний пристаючи був братом других, чи вин був преж того паном, чи невольником, аби християнин, и були козаки миж собою вси ривни и старшины выбирались на ради и повинни були слугувати всим по слову христовому, и жадной помпи панской и титула не було миж козаками».

Костомаров приписывал казакам высокую миссию:

«Постановило козацтво виру святую обороняти и визволяти ближних своих з неволи. Тим то гетман Свирговский ходив обороняти Волощину, и не взяли козаки миси з червонцами, як им давали за услуги, не взяли тим, що кровь проливали за виру та за ближних и служили Богу, а не идолу золотому».²³

Костомаров в тот период был достаточно невежественен в украинской истории. Впоследствии он хорошо узнал, кто такой был Свирговский и зачем ходил в Валахию. Но в эпоху Кирилло-Мефодиевского Братства авантюрная грабительская экспедиция польских шляхтичей легко сошла у него за крестовый поход и за служение «Богу, а не идолу золотому».

По Костомарову, казаки несли Украине такое подлинно демократическое устройство, что могли осчастливить не одну эту страну, но и соседние с нею.

Приблизительно так же смотрел на запорожскую Сечь М. П. Драгоманов. В казачьем быту он видел общинное начало и даже склонен был называть Сечь «коммуной». Он не мог простить П. Лаврову, что тот в своей речи на банкете, посвященном 50-летию польского восстания 1830 г., перечислив наиболее яркие примеры революционно-демократического движения (Жакерия, Крестьянская война в Германии, Богумильство в Болгарии, Табориты в Чехии) – не упомянул «Товариства (коммуны) Запорожского».²⁴ Драгоманов полагал, что Запорожье «самый строй таборами заимствовало от чешских таборитов, которым ходили помогать наши Волинцы и подоляне XV века». Одной из прямых задач участников украинофильского движения Драгоманов считал обязанность «отыскивать в разных местах и классах населения Украины воспоминания о прежней свободе и равноправности». (Он включил это в качестве особого пункта в «Опыт украинской политико-социальной программы», выпущенной им в 1884 г. в Женеве. Там, популяризации казачьего самоуправления в эпоху Гетманщины и, особенно, «Сечи и вольностей товариства запорожского» – придается исключительное значение. «Программа» требует от поборников украинской идеи всемирно их пропагандировать **«и подводить их к теперешним понятиям о свободе и равенстве у образованных народов»**».²⁵

Это вполне объясняет широкое распространение подобного взгляда на запорожское казачество, особенно среди «прогрессивной» интеллигенции. Она его усвоила в результате энергичной пропаганды деятелей типа Драгоманова. Без всякой проверки и критики, он был при-

²³ М. Kostomarov – «Knyhy bytija ukrains'koho narodu», texte publi par E. Borschak avec une introduction et des notes, Paris, 1947. Второе их издание с переводом на французский язык: «Le livre de la genese du peuple ukrainien», par Georges Luciani, Paris, 1956.

²⁴ М. Драгоманов – «Великорусский интернационал и польско-украинский вопрос». Казань 1907. стр. 35.

²⁵ Стр. 21.

нят всем русским революционным движением. В наши дни он нашел выражение в тезисах ЦК КПСС по случаю 300-летия воссоединения Украины с Россией:

«В ходе борьбы украинских народных масс против феодально-крепостнического и национального гнета, — говорится там, — а также против турецко-татарских набегов, была создана военная сила в лице казачества, центром которого в XVI веке стала Запорожская Сечь, сыгравшая прогрессивную роль в истории украинского народа».

Составители тезисов проявили значительную осторожность, ни о коммунизме казачьем, ни о свободе и равенстве не упоминают — оценивают казачество исключительно, как военную силу, но «прогрессивную роль» его отмечают в соответствии с традиционной украинофильской точкой зрения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.